

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА В ХОРВАТСКОМ И РУССКОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ¹

Irena Mikulaco, Juraj Dobrila University of Pula,
irena.mikulaco@unipu.hr

Original scientific paper

DOI: 10.31902/fli.49.2024.10

UDC: 811.161.1:821.163.42'42

Аннотация: В статье представлены результаты исследования концептуальной метафоры в хорватском и русском юридическом дискурсе с точки зрения современной когнитивной семантики. На материале корпуса судебных решений хорватских и российских судов посредством сопоставительного анализа сравнивается использование концептуальных метафор в хорватском и русском правовых регистрах. Цель состоит в том, чтобы исследовать, в какой степени совпадают базовые концептуальные основы метафоры в хорватском и русском юридическом дискурсе, и какие различия и сходства существуют в их языковых реализациях в хорватском и русском юридическом тексте. Поскольку хорватский и русский являются славянскими языками, принадлежащими одному и тому же культурному кругу, и правовые системы тоже основаны на схожих правовых традициях, сопоставительный анализ, как и ожидалось, выявил высокую степень совпадения в примерах. В статье также рассматривается педагогическое применение использования метафоры, а также значение полученных результатов для перевода юридических текстов.

Ключевые слова: хорватский и русский языки, сопоставительный анализ, концептуальная метафора, юридический дискурс, судебные решения

“Argument is war!”

(Lakoff & Johnson, 1980)

1. Введение

Концептуальная метафора (англ. conceptual metaphor) является одним из важнейших когнитивных механизмов, основанных на установлении связей между концептами, относящимися к разным областям знания (доменам). Метафора – это «понимание и

¹ Данная статья написана в рамках проекта ffpu-05-2021-3: «Legal Language and Business Communication».

переживание сущности одного вида в терминах сущности другого вида» (Лакофф, Джонсон 1980: 5; 2008), и метафоры способны на глубинное формирование нашего мышления. Традиционное, лингвистическое, понимание метафоры определяет ее как слово, риторическую фигуру или выражение, употребляемые в переносном значении, в основе которого лежит сравнение предмета или явления с каким-либо другим предметом или явлением на основании их общего признака. Особенность метафоры обнаруживается в ее полифункциональности и многозначности. Одной из функций метафоры (наряду с номинативной, прагматической и коммуникативной) является когнитивная функция, которая рассматривает ее как инструмент познания и включает в себя получение новых знаний об окружающем мире (Маккормак, 1990). Концептуальная метафора в интерпретации Джорджа Лакоффа и других исследователей является универсальным свойством мышления. Она не принадлежит только сфере языка и может выражаться как вербальными средствами, так и невербально, т.е. в жестах, в музыке, в живописи и т.д. Теория концептуальной метафоры рассматривает ее как процесс, происходящий на уровне человеческого мышления, а затем находящий отражение в языковых структурах. Характер семантики метафоры обусловлен контекстом и ситуацией, т.е. «в речи учитываются конкретные условия номинации, совершается отбор, связанный с ситуацией общения. Переносное обозначение семантизируется по определенным правилам» (Дубровина, Саковец, 2020: 86; по словам Никитина, 1979: 99).

Метафора отражает картину мира, специфические национальные и культурные особенности способов концептуализации действительности, и в разных языках метафоры могут быть разными, а «мы действуем в соответствии с тем, как мы понимаем вещи» (“we act according to how we conceive of things”, Лакофф и Джонсон, 1980). Концептуальные метафоры могут принадлежать разным культурам, и многие являются универсальными.

Предшествующие исследования метафоры показывают, что метафора неизбежна и в языке права и часто встречается в юридическом дискурсе (Morra, Rossi i Bazzanella, 2006; Палашевская, 2010; Husines, 2011; Константинова, 2011; Черданцев, 2012; Богачева, 2021; Ярощук, 2022 и др.). Современная риторика юридического дискурса все чаще вводит метафоры, потому что

юридический текст в таком случае становится более живым и более понятным широкому кругу пользователей.

Юридический дискурс – это своеобразный код, который используется в институциональной среде (суд, прокуратура, нотариат, адвокатура, парламент, полиция, тюрьма), это нормативно-правовые тексты, юридические документы, правовые научные и учебные тексты, тексты и речи в рамках судопроизводства (речи участников судебного процесса: судей, адвокатов, прокуроров, свидетелей и др.). Юридический дискурс имеет свою целостность, а именно – целостность содержания, лексики, грамматики, логики. И его компоненты создают иерархически устроенную систему в целях правового регулирования и реализации права. Юридический дискурс используют в общении прокуроры, судьи, адвокаты, нотариусы, полиция и др., в тюрьме, в суде, в нотариате и др.

Характеристики юридического дискурса следующие:

1. используется в области права;
2. подчиняется норме: тема и мотив юридического дискурса – закон и его содержание, соблюдение закона и соответствие закону (напр., оценка действий; поступки или поведение людей и др.);
3. регулирует общественные отношения, и в этом проявляется коммуникативная характеристика юридического дискурса;
4. содержит юридические термины и концепты.

Кроме того, в юриспруденции и в судопроизводстве, в котором представлены участники разных стран и носители разных языков, важную роль играет переводчик и его юридический перевод. Юридический перевод – это не просто перевод текста с одного языка на другой, но передача знаний юридической профессии в другую правовую систему (Микулац, 2020). Главные признаки качественного перевода – адекватность и эквивалентность. Адекватность достигается знанием языка и права исходного языка, а также знанием языка перевода. Адекватный перевод обеспечивает общение между источником (отправителем) и адресатом (исходный текст и текст перевода). Эквивалент – это межъязыковой синоним, не зависящий от контекста, языковой единицы перевода и исходного языка, между которыми существует постоянная синонимия. Эквивалентность – это тождественность языковых единиц разных языковых систем или частей текста оригинала (исходного языка) и перевода. Семантическая

эквивалентность – это тождественность содержательного плана языковой единицы языка перевода и языка исходного текста (Семенов 2013: 208–210). Переводчик должен подчиниться концепту, который является эквивалентным концептом для целевого языка (языка перевода), включая контекст в исходном и целевом текстах, и не игнорирует межкультурный прагматизм (Wierbicka, 2003).

Цель настоящего исследования – выяснить, какие концептуальные метафоры используются в хорватских и русских юридических документах (конкретно, в решениях) и установить их лингвистическую реализацию, т.е. как посредством юридического перевода можно найти соответствующее решение и создать точный, правильный и адекватный смысл, что непосредственно, может быть использовано и в педагогических целях. Такой перевод способен улучшить понимание юридического дискурса, обогатить словарный запас и тем самым повысить компетентность в языке для специальных целей, расширить профессиональную лексику (конкретно, в языке права), и, следовательно, помочь студентам осознать факт наличия в юридическом дискурсе метафор и освоить типы концептуальных метафор и их схожие или различные реализации в хорватском и русском юридическом языке.

Когнитивный подход к языку помогает лингвистическому исследованию. Такой подход направлен на изучение терминологии и фразеологии, в данном случае в области права, потому что термин характеризуется точной и ясной структурой знания. Язык права отличается точностью, ясностью и достоверностью, он должен преобладать над двусмысленностью в понимании различных юридических правил и понятий (Богачева, 2021). Следует отметить, что язык права и его терминология эволюционировали, менялись в течение веков как менялось общество и человеческие отношения, но поведение человека не менялось, и правовое регулирование всегда служило ограничению поведения человека. Язык права является носителем памяти истории, человеческого мышления. Поскольку мы мыслим метафорически и наши когнитивные системы являются результатом нашего жизненного опыта и культуры, в которой мы выросли, в этом смысле закон проявляет сходство с сущностью человеческого познания.

Концептуальная метафора в юридическом дискурсе в аспекте сопоставительного анализ в хорватском и русском языках до сих пор не рассматривалась. Таким образом, настоящее исследование позволяет нам обратиться к юридическому дискурсу, раскрыть мир

концептуальной метафоры и сферу ее функционирования в юридическом дискурсе, что и определяет актуальность темы.

2. Методы исследования

Предметом исследования является метафора как когнитивный концепт в юридическом дискурсе, в жанре текстов судебных решений. Цель данной работы – определить в какой степени основные концептуальные основания метафоры в хорватском и русском юридическом дискурсе совпадают, какие различия существуют в их языковых реализациях в хорватском и русском юридическом тексте, учитывая факт, что хорватский и русский являются славянскими языками, принадлежащими одному и тому же культурному кругу и правовым системам. В статье представлены результаты исследования концептуальной метафоры в хорватском и русском юридическом дискурсе с точки зрения современной когнитивной семантики. В работе на материале корпуса судебных решений хорватских и российских судов посредством сопоставительного анализа сравнивается использование концептуальных метафор в хорватском и русском правовых регистрах. Хорватский корпус включает 30 судебных решений Верховного суда Республики Хорватия по уголовным и гражданским делам и судебных решений Административного суда общим объемом 24720 слов. Русский корпус состоит из 21 судебного решения и определения Верховного суда Российской Федерации по уголовным и гражданским делам общим объемом 25095 слов. Тексты решений в русском корпусе длиннее, чем в хорватском, поэтому число решений в исследовании не равномерно, и не обеспечивает одинакового количества слов в обоих корпусах. Решения и определения приняты в период с 1993 по 2019 год. Выбор решений был случайным на основе поиска ключевых слов. Поиском ключевых слов в корпусе определились способы реализации действительности, различия и сходства в хорватском и русском языках.

3. Результаты

Сопоставительным анализом метафор выявлена самая частотная в хорватском и в русском юридическом корпусах концептуальная метафора, которую находим также в других языках и западноевропейских культурах. Обратим внимание на концептуальную метафору судопроизводства как *поле боя*, *поле битвы* или *поле сражения*.

Одним из самых важных принципов судопроизводства является принцип *состязательности сторон*. Идея состязательности сторон основана на защите одной стороны от другой. Стороны называются *branitelj, odvjetnik* (*защитник, адвокат*), с одной стороны, и *državni odvjetnik, državna odvjetnica* (*прокурор*), с другой стороны. В хорватском юридическом дискурсе *branitelj* употребляется в значении защитника прав обвиняемого и подсудимого, но этот термин пришел в юридическую терминологию из военной терминологии и относится к терминам битвы, сражения. *Branitelj* в военной терминологии обозначает лицо, которое организовало и участвовало в защите независимости, территориальной целостности и суверенитета Республики Хорватия. В русском языке *защитник* имеет более широкое семантическое поле. Используется в юриспруденции, но кроме того, и в сфере спорта в значении игрока в командных видах спорта. В хорватском языке в спортивной терминологии *защитник* переводится как *branič* (позиция игрока защиты, напр. *lijevi branič, desni branič* и др.). Прокуроры и адвокаты должны своими аргументами убедить судью, кто прав, следовательно, *выиграть* в суде, т.е., так же как в бою, одна сторона *выигрывает*, а другая *проигрывает* (напр. ответчик не может быть признан стороной, *выигравшей спор*). Стороны соперничают с противоположных сторон, и формулируют речь на основе выступлений свидетелей по ходу судопроизводства. Зал суда поэтому можно назвать *полем битвы*, и адвокат ведёт словесную битву за интересы своего подозреваемого, обвиняемого или подсудимого.

Термины, которые используются в юридических документах, свидетельствуют о наличии *сражения*, динамического процесса в зале суда, поэтому глаголы – самые эффективные и подходящие слова для выражения динамики. Частотное в качестве гиперонима битвы используемое слово в судопроизводстве – это *конфликт* (напр., конфликт интересов, потенциал конфликта и др.).

Глагол *ustati (ustati protiv)* (*встать* или *встать против*) очень часто используется в решениях и представляет фигуративное значение «восстания», потому что глагол «встать» существует в общеупотребительной лексике, например: *встать со стула (ustati sa stolice)* и др. В судебных решениях глагол *ustati* сочетается с существительными и вступает с ними в коллокации (устойчивые словосочетания), например, *ustati (s) tužbom, ustati s prijedlogom*. Кроме того, часто в окружении глагола находится наречие *protiv: ustati protiv* (напр. *ustao je tužbom protiv tuženika*).

В русском юридическом дискурсе глагол *встать* не используется в этом значении. Соответствующий глагол для адекватного перевода – это *предъявить* (напр. *предъявить обвинение* и эквивалент *podignuti optužnicu*). Наоборот, в хорватском языке глагол *podignuti* имеет значение *поднять*, но было бы неадекватно переводить этим глаголом, а не глаголом *предъявить*.

В русском дискурсе есть и глагол *подать* (напр. он *подал иск против* ответчика; он *подал в суд* свое собственноручно написанное заявление; *подал в суд ходатайство* об ускорении рассмотрения данного заявления и др.). Можно заключить, что конструкции коллокаций одинаковы в хорватском и в русском языках. Они складываются из глагола + имя существительное: *предъявить обвинение*, *podignuti optužnicu*, из глагола + имя существительное + наречие *против* + имя существительное, например: *ustati tužbom protiv tuženika*, *подать иск против ответчика*. В русском языке дополнительно есть коллокация с предлогом *в*: глагол + предлог *в* + имя существительное (*подать в суд*).

Перевод с русского на хорватский язык может привести к ошибке и, соответственно, к неадекватности перевода, потому что значение глагола *предъявить* в хорватском языке переводится как ‘показать, представить в подтверждение чего-либо’ (хорв. *predstaviti*). Таких случаев много, и адекватность, как и эквивалентность переводческих единиц, становится важнейшей составляющей переводческого процесса.

Кроме того, наименования сторон в переводе судопроизводства часто не эквиваленты. Термин *обвиняемый/okrivljenik* находим в уголовном праве, но в гражданском праве он звучит как *ответчик/tuženik*, что явно сужает его семантическое поле в гражданском праве. Однако в хорватско-русских словарях они переводятся как синонимы, что не соответствует правилу четкости и определенности термина. В гражданском праве зафиксированы такие термины, как *истец/tužitelj* с одной стороны, и *ответчик/tuženik* с другой стороны. В судопроизводстве участники *истец/tužitelj* определяются как «тот, кто по профессии, должности и служебным обязанностям от имени государства или общества подает обвинительный акт в судебный орган; *прокурор* (в хорватском языке *državni odvjetnik*)», а другое значение: «тот, кто подает в суд» (Anić 2004: 1638).

Значение термина *ответчик/tuženik*: «тот, против кого подан иск, против которого возбуждено дело» («Словарь хорватского языка») (Anić 2004: 1638), а синонимом термина *tuženik* указывается термин *обвиняемый*. «Юридический словарь» (Gačić 2010: 1404) перечисляет синонимы: *ispitanik*; *sudionik ankete*; *respondent* (заимствованное слово от англ. *respondent*; участник опроса). В русско-хорватском словаре (Полянец 1966: 560) *ответчик* переведен словами: *optuženik*, *okrivljenik*, *odgovorno lice*/подсудимый, обвиняемый, ответственное лицо. Термины *tužitelj/истец* и *tuženik/ответчик* относятся к терминологии гражданского, а не уголовного права, поэтому было бы неправильно переводить или помещать в контекст гражданского права термин *okrivljenik/обвиняемый*.

Различие между хорватским и русским языками проявляется и в том, что хорватский язык использует феминативы (имена существительные женского рода, образованные от однокоренных существительных мужского рода). В хорватском языке образование феминативов с помощью суффиксов *-ica*, *-ka* и *-inja* является продуктивным в существительных, обозначающих профессии или этническую принадлежность: *slikar-ica/художница*, *talijanka/итальянка*, *pjesnik-inja/поэтесса*, *kandidat-kinja/фем. от кандидат* (Barić 1987: 12).

Феминативы в русском языке образуются с помощью десяти суффиксов, которые присоединяются к основе мужского рода (Русская грамматика, 1980; Ефремова, 2006), но наиболее продуктивные (Прохорова 2012: 292-295): *-к-* (студент → студентка), *-щиц-* (банщик → банщица) и *-ниц-* (писатель → писательница) (Микулац 2021: 532). Однако образование феминативов в русском языке во многих случаях ограничено.

Таким образом, в юридическом дискурсе в хорватском языке в отличие от юридического дискурса в русском языке используются термины и женского рода, называющие лица женского пола: *tužena* (от мужского рода *tuženik*), *braniteljica* (от мужского рода *branitelj*), *ispitanica* (от мужского рода *ispitanik*) и др.

Термины *нападение* и *защита* – тоже часть судопроизводства (как и в военных действиях) (напр., не давая ему возможности отобрать нож у *нападавшего* и *защищаться*, как потом выяснилось, нападавшими были П. и К.; процессуальный механизм направлен на создание условий равной *правовой защиты*; восстановление и *защита нарушенных прав* и др.). В хорватском языке – это *napad* и *obrana* (*postoji razmjernost između napada i obrane*, tj. da li je poduzeti način *obrane* od strane optuženog; istodobni i protupravni *napad*

oštećenika, te da postoji razmjernost između *napada i obrane*; интензитета и опасности *napada i obrane*; средство при odbijanju *napada* isključuje *nužnu obranu* и др.).

Защитити/защитити можно право (хорв. *štititi/zaštiti prava*), а *защитити се* можно от нападения (хорв. *braniti se od napada*) (напр. *защитити се* от его нападения; Х. *сопротивлялся, защитился* ногами и руками). В хорватском языке глагол *защитити се* переводится как *braniti se* и используется равноценно в значении *защитити се* от нападения, *защитити се* частью тела (ногами, руками) или *хранити молчание*: *braniti se šutnjom* (напр. *braniti se dijelom tijela: nogom, rukom, rukom ispred glave; braniti se šutnjom, braniti se sam, branio se od napada tužiteljice, braniti se od napada, od oštećenika, braniti da nađe posao, od napada zaštitara, braniti suprugu, braniti se nogama, braniti se sa slobode*).

Следующее сопоставление процесса судопроизводства, сравниваемое с битвой, с частью каждого поля битвы, скорее даже последствием сражения – это то, что проигравших участников победители обычно убивают или заключают в тюрьму. С этим связаны примеры в судопроизводстве: *mjere pritvora* (određen je pritvor, određen je *pritvor protiv optuženog I.J.*); *zadržati u pritvoru do okončanja tog postupka; izdržavanje kazne zatvora; određivanje istražnog zatvora* и др. В русском языке: *меры пресечения, меры пресечения в виде заключения под стражу; меры содержания под стражей* (напр., «вынесено решение о заключении под стражу», «содержание под стражей»); *держат под стражей; отбывание тюремного заключения; определение предварительного заключения* и т.д.

Кроме терминов и коллокаций, связанных с терминами, в которых содержатся слова *тюрьма, заключение под стражу, следственная тюрьма*, существуют глаголы, у которых фигуративный признак. Так, например, от хорватского глагола *robijati* образуется пассивное причастие *robijan* (напр., и *robijanom rješenju*). Глагол *robijati* несовершенного вида, а глагол *robiti* совершенного вида. В словарях хорватского языка находим синоним – глагол совершенного вида *poUbijati*, все глаголы в значении *убить*; *убить всех по очереди; лишить кого-либо жизни*. Глаголы *robiti, roubijati* могут ввести переводчика в заблуждение, но в рамках права используется глагол *robiti* и также часто используется в коллокации *robiti rješenje* (в русском языке *отменить решение*). Неправильное употребление глагола *roubijati* в коллокации *roubijati rješenje* было бы ошибкой.

Одним из следствий сравнения со сражением является термин *повреждение* (*povreda*), но существует разница между хорватским и русским пониманием этого термина в юридическом дискурсе, поэтому следует определить само понятие и предложить адекватный перевод. *Povreda prava* с хорватского на русский язык переводится словосочетанием *нарушение прав*. Такое лингвистическое выражение на хорватском языке уже можно рассматривать как персонификацию, потому что *pravo* может быть *rovrijeđeno* («повреждено» так же, как и человек). Нельзя в юридических документах переводить существительное *povreda* как вред, ущерб. В дословном значении *povreda* имеет значение повреждение, *ранение*. *Povreda* появляется и в дублетной форме в юридическом дискурсе – это *kršenje* (напр. *nije bilo kršenja mjera opreza od strane P. K.*; *kršenje radne obveze*; *kršenje odredaba Zakona o radu* и др.). Существует и другое словосочетание *nanositi štetu* (напр. *na način da su nanosili štetu vlasniku stana – tužitelju*), которое необходимо переводить эквивалентом в русском языке – *наносить вред*, или *возместить ущерб*. С теми примерами связывается сторона, которой наносится вред: *oštećenik*, *oštećenica* (потерпевшая сторона).

В войне или в битве, а также и в судопроизводстве, можно *выиграть* или *проиграть*. *Выиграть* в хорватском языке переводится глаголом *pobijediti* (напр. *u ratu*, *na izborima*, *u parnici*, *u sporu*, *na utakmici*, *kolektivne interese*, *pobijediti zlo*). В русском юридическом дискурсе примеры следующие: ответчик не может быть признан стороной, *выигравшей* спор; договор заключается с лицом, *выигравшим* торги; *выиграл* тендер на право выполнения инновационного проекта и др.

Победитель называется *pobjednik* (напр. *pobjednik natječaja*, *izborni pobjednik*). В русском языке слово *победитель* может быть в разных контекстах: в споре в качестве ответчика победителя торгов; цены контракта, предложенной победителем аукциона; образцы дипломов победителей и призеров и др.

Следующий глагол – это *проиграть*. Так, в хорватском языке *izgubiti* (напр., *izgubiti parnicu*, *pravo na studij*, *studentska prava*, *stan*, *posao*, *dijete*, *svijest*, *izgubiti pravnu stranu*, *izgubiti pravni učinak*; *život*, *izgubiti pravo potraživati naknadu*, *izgubiti djelotvornost*, *izgubila svojstvo javnog puta*, *izgubiti svojstvo vojne osobe*, *izgubiti na zaradi*, *izgubio povjerenje u tužiteljicu*; *izgubila se svrha*, *samostalnost*, *izgubio je pola kuće*, *izgubili stanarsko pravo*, *izgubio vlast nad vozilom i sletio s kolnika*, *izgubila putnu ispravu*, *izgubila pravni učinak ovršne isprave*, *izgubiti zaradu*, *izgubio povjerenje u efikasnost i nepristranost toga*

suda). В русском дискурсе находим этот глагол в форме действительного причастия совершенного вида прошедшего времени: истец не является *проигравшей* стороной по спору; судебные расходы подлежат компенсации за счет *проигравшей* стороны; руководствуясь положениями статей 106, 110 АПК РФ отнесли на ответчиков, *проигравших* спор, расходы на оплату судебной экспертизы и др.

Помимо слова *проиграть* в русском языке существует глагол *терять*, который переводим на хорватский язык тоже глаголом *izgubiti*, напр., термин *izgubiti pravni učinak* надо перевести как глагол *терять*: *терять юридическую силу* (напр., *теряет юридическую силу* в случае истечения срока действия положительного заключения; доводы жалобы об *утрате* юридической силы указанным приказом подлежат отклонению). Неадекватно было бы на русский язык перевести как *проиграть юридическую силу*. Безусловно, можно *проиграть суд* (*izgubiti parnicu* или *izgubiti na sudu*), а не юридическую силу. Термин *проигравшая сторона* в хорватском языке дословно переводится как *gubitnička strana*, он существует в общеупотребительной лексике, но этот термин мы не находим в юридическом дискурсе. В судопроизводстве называется иначе – *gubitnik* (напр. *pravo na pristup sudu samom primjenom načela „gubitnik plaća“ iz čl. 154. st. 1. Zakona o parničnom postupku; troškove stranke u postupku te se poziva na načelo „gubitnik plaća“*). Таким образом, русский язык демонстрирует богатство и разнообразие лексики, что в переводе позволяет облегчить как четкость выражения, так и четкость понимания.

Лингвистическая реализация концептуальной метафоры «судопроизводство как поле битвы» представлена с примерами в таблице.

Таблица 1. Судопроизводство – поле битвы.

Хорватский образец	
термины (символ + обозначает различие между языками)	примеры в решениях и определениях
<i>protustranke</i>	protiv <i>protustranke</i> , u žalbi <i>protustranke</i> , podnesenom žalbom pobija <i>protustranka</i>

<p><i>tužitelj</i> ← → <i>tuženik</i> + <i>tužiteljica</i> <i>tužena</i></p>	<p><i>tužitelj</i> nije znao za tu bolest <i>tužene</i> do vremena kada je ona napustila bračnu zajednicu, pa je pokrenuo postupak za pokušaj mirenja prije nego li je htio <i>ustati tužbom</i> za razvod braka</p>
<p><i>branitelj</i> → <i>branjenik</i> + <i>braniteljica</i></p>	<p>okrivljenik sam izabere drugog <i>branitelja</i> ili kada postavljeni <i>branitelj</i> traži vlastito razrješenje; nije kontaktirao sa svojim <i>branjenikom</i> koji se nalazi u pritvoru; povjerenje okrivljenika u <i>braniteljicu</i>; u statusu <i>braniteljice</i> po službenoj dužnosti</p>
<p><i>oštećenik</i> + <i>oštećenica</i></p>	<p>popravi štetu <i>oštećenicima</i>, i to <i>oštećenju</i> Z. M.; u glavu upućen od strane optuženika <i>oštećeniku</i> u svojim iskazima spominju <i>oštećeni</i>; okrivljeni i <i>oštećenica</i></p>
<p><i>pobijediti</i></p>	<p>u ratu, na izborima, u parnici, u sporu, na utakmici, kolektivne interese, <i>pobijediti</i> zlo</p>
<p><i>pobjednik</i></p>	<p>natječaja, izborni <i>pobjednik</i></p>
<p><i>izgubiti</i></p>	<p><i>izgubiti</i> parnicu, pravo na studij, studentska prava, stan, posao, dijete, svijest, izgubiti pravnu stranu, život, izgubiti pravo potraživati naknadu, izgubiti djelotvornost, izgubila svojstvo javnog puta, izgubiti svojstvo vojne osobe, izgubiti na zaradi, izgubio povjerenje u tužiteljicu; izgubila se svrha, samostalnost, izgubio je pola kuće, izgubili stanarsko pravo, izgubio vlast nad vozilom i sletio s kolnika, izgubila putnu ispravu, izgubila pravni učinak ovršne isprave, izgubiti zaradu, izgubio povjerenje u efikasnost i nepristranost toga suda</p>
<p><i>gubitnik</i></p>	<p>pravo na pristup sudu samom primjenom načela „gubitnik plaća“ iz čl. 154. st. 1. Zakona o parničnom postupku; troškove stranke u</p>

	postupku te se poziva na načelo „gubitnik plaća“
<i>napad i obrana</i>	postoji razmjernost između <i>napada i obrane</i> , tj. da li je poduzeti način obrane od strane optuženog; istodobni i protupravni <i>napad</i> oštećenika, te da postoji razmjernost između <i>napada i obrane</i> ; intenziteta i opasnosti <i>napada i obrane</i> ; sredstvo pri odbijanju <i>napada</i> isključuje nužnu <i>obranu</i>
<i>zaštita prava</i>	sudski postupak na koji se odnosi zahtjev za <i>zaštitu prava</i> na suđenje; povodom zahtjeva za <i>zaštitu prava</i>
<i>braniti se</i> šutnjom, od nekoga, ili nekoga predmeta; <i>braniti se</i> dijelom tijela: nogom, rukom, rukom ispred glave	šutnjom, <i>braniti se</i> sam, <i>branio se</i> od napada tužiteljice, <i>braniti se</i> od napada, od oštećenika, <i>braniti</i> da nađe posao, od napada zaštitara, <i>braniti</i> suprugu, <i>braniti se</i> nogama, <i>braniti se</i> sa slobode
+ глагол <i>ustati</i>	kad su ovršenici <i>ustali s prijedlogom</i> za protuovrhu <i>ustati s tužbom</i> i pokrenuti parnicu Predlagateljica je protiv ovog rješenja <i>ustala s pravovremenom žalbom</i> ; <i>ustala s prijedlogom</i> za priznanje strane sudske odluke, predlagateljica <i>ustala s prijedlogom protiv</i> preminule osobe Prednik tužitelja <i>ustao je tužbom protiv</i> tuženika tužitelj je <i>ustao (hipotekarnom) tužbom</i> ; <i>ustali tužbom</i> protiv Općinskog suda
+ глагол <i>podignuti</i>	<i>podignuti optužnicu</i>
<i>protiv</i>	<i>protiv</i> optuženika, okrivljenika, tuženika, pritvor protiv njega, protiv

	rješenja (Županijskog suda), protiv odluke, presude; protiv žalitelja
Русский образец	
термины	примеры в решениях и определениях
<i>противоположные стороны</i>	Довод заявителя о пропуске <i>противоположной стороны</i> срока обращения в суд; относится к стороне, которая их понесла, и возмещению за счет <i>противоположной стороны</i> не подлежит, если <i>одна из сторон</i> подаст иск <i>против стороны</i> с местонахождением в г. Н. (ответчик); <i>против стороны</i> обвинения
<i>истец</i> ← → <i>ответчик</i>	по необоснованному вызову <i>ответчика</i> ; суд обязал <i>истца</i> вызвать <i>ответчика</i> на сверку расчетов; подтверждается факт совершения <i>ответчиком</i> действий; с учетом неявки <i>ответчика</i> ; с <i>истцом</i> подлежат отклонению, поскольку из настоящей жалобы и из содержания судебных актов не следует, что <i>ответчик</i> ссылался на возникновение спорных убытков у иного <i>против истца</i> лица; <i>ответчик</i> извещал <i>истца</i> о нарушении им предусмотренного договором срока
<i>защитник</i> → <i>ответчик</i> (защитник или законный представитель) (в гражданском праве <i>ответчик</i> ; <i>подозреваемый</i> , <i>обвиняемый</i> в уголовном праве в смысле <i>branjenik</i>)	осуществлять лично либо с помощью <i>защитника</i> и (или) <i>законного представителя</i> ; жалоба <i>защитников</i> ;
<i>потерпевшая сторона</i>	накладывая только на <i>потерпевшую сторону</i> (истца)

	бремя; восстановить права потерпевшей стороны
<i>выиграть</i>	ответчик не может быть признан <i>стороной, выигравшей спор</i> ; договор заключается с лицом, <i>выигравшим</i> торги; <i>выиграл тендер</i> на право выполнения инновационного проекта
<i>победитель</i>	в споре в качестве ответчика <i>победителя</i> торгов; цены контракта, предложенной <i>победителем</i> аукциона; образцы дипломов <i>победителей</i> и призеров
<i>проиграть</i> (хорв. <i>izgubiti</i>), <i>проигравшая</i> <i>сторона</i>	истец не является <i>проигравшей стороной</i> по спору; судебные расходы подлежат компенсации за счет <i>проигравшей</i> стороны; руководствуясь положениями статей 106, 110 АПК РФ отнесли на ответчиков, <i>проигравших спор</i> , расходы на оплату судебной экспертизы
+ <i>терять</i> (хорв. <i>gubiti</i>)	<i>теряет</i> юридическую силу в случае истечения срока действия положительного заключения; доводы жалобы об <i>утрате юридической силы</i> указанным приказом подлежат отклонению
<i>нападение и защита</i>	не давая ему возможности отобрать нож у <i>нападавшего</i> и <i>защищаться</i> , как потом выяснилось, <i>нападавшими</i> были П. и К.; процессуальный механизм направлен на создание условий равной <i>правовой защиты</i> ; восстановление и <i>защита</i> нарушенных прав;
<i>защита прав</i>	

защитаться от нападения (хорв. <i>braniti se od napada</i>)	защищаясь от его нападения; Х. сопротивлялся, <i>защищался ногами и руками</i>
+ <i>хранить молчание</i> (хорв. <i>braniti se šutnjom</i>)	Присутствие адвоката К. на допросе заявителя (дата) не являлось достаточной гарантией для защиты прав заявителя, в частности права пользоваться помощью адвоката по своему выбору, а также не свидетельствовать против самого себя и <i>хранить молчание</i> <i>šutnjom, braniti se sam, branio se od napada tužiteljice, braniti se od napada, od oštećenika, braniti da nađe posao, od napada zaštitara, braniti suprugu, braniti se nogama, braniti se sa slobode</i>
<i>предъявить</i>	По этому уголовному делу окончательное <i>обвинение</i> было <i>предъявлено</i> гражданам; истец знал об оспариваемых сделках и наличии оснований для <i>предъявления иска</i>
+ <i>подать</i>	он <i>подал иск</i> против ответчика; он <i>подал в суд</i> свое собственноручно написанное заявление; <i>подал в суд ходатайство</i> об ускорении рассмотрения данного заявления; <i>подача</i> предложения, заявления или жалобы;
<i>против</i>	<i>против</i> ответчика; обвиняемого, подсудимого; возражая <i>против выводов судов</i> о недоказанности совершения всех возможных и зависящих от ответчика действий; <i>против</i> удовлетворения кассационной жалобы

Таким образом, в обоих языках судебное разбирательство концептуализируется через известный опыт битвы. Хотя битва,

происходящая в зале суда, не является физической, судебное разбирательство частично структурировано, и мы его понимаем через концепцию войны. Подобно концептуальной метафоре «Спор – это война!» (Лакофф, Джонсон, 1980: 61, 62), она также основана на том факте, что мы обнаруживаем физический конфликт в окружающем нас мире и поэтому легко его понимаем. В процессе развития человеческой цивилизации люди придумали ряд изощренных способов борьбы за то, чего они хотят и хотят без физического конфликта. Опыт физической борьбы переносится на различные другие области человеческой жизни, в которых человек «борется», «выигрывает», «защищается» и т.д. Таким образом, основной смысл упомянутых терминов находится в области физического, и из этой области он переносится в другие области, в которых эти термины обозначают абстрактную борьбу, в том числе и ту, которая происходит в зале суда. Другими словами, когда мы связываем абстрактную идею, например аргумент, с конкретной, допустим, физической борьбой, на наше понимание абстрактной идеи влияет то, что мы знаем о конкретной идее. Основная концептуальная метафора битвы в нашем корпусе встречается в способах лингвистической реализации, некоторые из которых одинаковы в хорватском и в русском языках, а некоторые мы находим только в одном из языков.

4. Педагогическое применение концептуальной метафоры

Фигуративный язык может вызвать большие проблемы в понимании и в переводе юридического текста. Использование метафоры в дословном переводе может привести к непониманию текста. Несмотря на то, что хорватский и русский языки славянские, они разные и у них сложились разные лингвистические выражения для концептуальных метафор. В юридическом дискурсе *защитник* переводится как *branitelj/braniteljica*, *ответчик* как *tuženik/tužena*, *отменить решение* как *robiti rješenje*, *нарушение прав* как *povreda prava* и др. Студентам важно осознать использование метафоры в юридическом дискурсе, чтобы они могли их еще и запомнить. Такая работа по освоению терминов и повышению знаний осуществляется через разработанную систему упражнений. Наличие сходства между языками может быть использовано в обучении юридической терминологии студентов-переводчиков, и в понимании ими различий между разными лексическими реализациями.

5. Выводы

Анализ хорватских и русских примеров концептуальной метафоры «судопроизводство как поле битвы» в судебных решениях и определениях показал, что и хорватский, и русский юридический дискурс использует один и тот же тип концептуальной метафоры с одинаковой или схожей лингвистической реализацией, а также и с разными языковыми выражениями. В русском языке обнаружили различные глаголы для выражения одного и того же концепта (напр., глагол *izgubiti* в хорватском языке обладает большим количеством значений, тогда как в русском языке существуют разные глаголы, напр., *предъявить* и *подать*). Другое различие проявляется в том, что хорватский язык использует в наименовании лиц, участников в судебном разбирательстве форму женского рода (феминативы) (м.р. *branitelj*, ж.р. *braniteljica*). Причиной большого сходства в использовании метафоры, является тот факт, что хорватский и русский – это два родственных славянских языка индоевропейской семьи языков, принадлежащих романо-германской правовой семье (праву континентальной Европы) и западному культурному кругу.

Существование концептуальной метафоры в хорватских юридических текстах, безусловно, должно быть дополнительно подтверждено дальнейшими систематическими исследованиями более крупных корпусов, а также расширено и распространено на концептуальные метафоры, как например, на такое судопроизводство, как медицинский осмотр (*pravni lijek, uzrok*, средство правовой защиты, причина), путешествие (*tijek rasprave, zaročnje parnica*, начало судебного процесса), взвешивание (*opteretio, težina dokaza*, обременение, весомость доказательств), персонификация (в хорватском языке часто употребляется *rovreda zakona, prava*) и др. В дальнейших исследованиях было бы полезно провести более детальный контрастивный анализ языковых особенностей юридического дискурса или юридических жанров (нормативные акты, договоры, научные статьи, юридическая периодика) с целью получения более полного представления о степени совпадения.

Список литературы:

- Anić, Vladimir. *Veliki rječnik hrvatskoga jezika*. Zagreb: Novi Liber, 2004.
- Husinec, Snježana. „Metafora u pravnom diskursu“. *Zbornik radova s 24. međunarodnog znanstvenog skupa Hrvatskog društva za primijenjenu lingvistiku* "Diskurs i dijalog: Teorije, metode i primjena"/ Karabalić, Vladimir; Aleksa Varga, Melita; Pon, Leonard (ur.). Hrvatsko društvo za

- primijenjenu lingvistiku (HDPL); Filozofski fakultet Sveučilišta Josipa Jurja Strossmayera u Osijeku, 2011. 69-84.
- Morra, Lucia & Rossi, Piercarlo & Bazzanella, Carla. "Metaphor in Legal Language: Caritiy or Obscurity?". Wagner, Anne & Cacciaguidi-Fahi, Sophie (eds.): *Legal Language and the Search for Clarity*. Bern: Peter Lang, 2006. 141-175.
- Wierbicka, A. *Cross-Cultural Pragmatics*. 2nd ed. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2003.
- Богачева, Е.А. «Концептуальная метафора в юридическом дискурсе (на материале английского языка)». *Филологический аспект: международный научно-практический журнал*. № 04 (72). 2021. Режим доступа: <https://scipress.ru/philology/articles/kontseptualnaya-metafora-v-yuridicheskom-diskurse-na-materiale-anglijskogo-yazyka.html> (Дата обращения: 26.07.2023).
- Дубровина, И.И., Саковец, С.А. «Метафора в юридическом дискурсе: приемы перевода». *Language of Science and Professional Communication*. № 1(2). 2020.
- Константинова, М.В. *Специфика юридической метафоры в индивидуальном лексиконе (экспериментальное исследование): автореф. дис. ... канд. филол. наук*. Курск, 2011.
- Косоногова, О.В. «Характеристики юридического дискурса: границы, содержание, параметры». *Историческая и социально-образовательная мысль*. Том 7. № 1. 2015. С. 61–68.
- Кульчицкая, Л.В. «Теория концептуальной метафоры в обучении переводу». *Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики*. № 4. 2016. С.118–126.
- Лаврентьева, Е.С. «Способы перевода метафорических моделей в поливекторном дискурсе». *Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода*. № 3. 2015. С. 60–72.
- Лакофф, Дж. «Мышление в зеркале классификаторов». *НЗЛ*. Вып. XXIII. - Москва: Прогресс. 1988. С. 12–51.
- Лакофф, Дж., Джонсон, М. *Метафоры, которыми мы живем*: пер. с англ. (Lakoff, George. & Johnson, Mark (1980). *Metaphors we live by*. Chicago: The University of Chicago Press.) – Изд. 2-е. – Москва.: Изд-во ЛКИ. 2008. 256 с.
- Нелюбин, Л.Л. *Введение в технику перевода (когнитивный теоретикопрагматический аспект)*. Москва: ФЛИНТА: Наука. 2018.
- Маккормак, Э. «Когнитивная теория метафоры». *Теория метафоры* (под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журинской). – Москва: Прогресс, 1990. С. 358–386.
- Микулац, И. «Язык во время короны (сравнение терминов в хорватском и русском языках)». *Русский язык в цифровом пространстве в эпоху пандемии* (редактор Ирена Микулац). Пула: Университет Пулы им. Юрая Добрилы. 2021. С. 523–539.
- Москвин, В.П. «Русская метафора: параметры классификации». *Филологические науки*. 2000. №2. С. 66.

- Москвин, В. П. *Русская метафора. Очерк семиотической теории*. — Изд. 5, сущ. перераб. и доп. URSS. 2019. 352 с.
- Никитин, М. В. «О семантике метафоры». *Вопр. языкознания*. 1979. № 1. С. 91–102.
- Палашевская, И.В. «Функции юридического дискурса и действия его участников». *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. Т. 12. № 5 (2). 2010. С. 535–540.
- Семенов А.Л. *Теория перевода: учебник для студ. учреждений высш. проф. образования*. Москва: Издательский центр «Академия». 2013. 218 с.
- Скляревская, Г.Н. *Метафора в системе языка*. – 2-е изд., стер. Санкт-Петербург: Филол. фак-т. Санкт-Петербург. 2004. 166 с.
- Телия, В.Н. (отв. ред.). *Метафора в языке и тексте*. Москва: Наука. 1988. 176 с.
- Черданцев, А.Ф. *Логико-языковые феномены в юриспруденции: монография*. Москва: Норма: ИНФРА – Москва. 2012.
- Ярошук, И.А. (2022). «Метафоры в праве: методологические основания исследования». *Вестник РУДН. Серия: Юридические науки*. 2022. Т. 26. № 3. 596–610. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-3-596-610>

Интернет-источники:

- Sudska praksa*. Режим доступа: <https://sudskapraksa.csp.vsrh.hr/home> (дата обращения 28 марта 2024 г.)
- Судебные и нормативные акты РФ*. Режим доступа: <https://sudact.ru/>; <https://sudact.ru/practice/sudebnaya-praktika-po-grazhdanskim-delam/>; <https://sudact.ru/practice/sudebnaya-praktika-po-ugolovnym-delam/> (дата обращения 20–27 марта 2024 г.)

CONCEPTUAL METAPHOR IN CROATIAN AND RUSSIAN LEGAL DISCOURSE

The conceptual metaphor is one of the most important cognitive mechanisms, based on establishing connections between concepts belonging to different areas of knowledge (domains). A metaphor is defined as "understanding and experiencing one kind of thing in terms of another" (Lakoff & Johnson, 1980: 5; 2008), and metaphors have the capacity to profoundly shape our thinking. The traditional linguistic understanding of metaphor defines it as a word, rhetorical figure, or expression used in a figurative sense, which is based on the comparison of one object or phenomenon with another based on a shared characteristic. The unique feature of metaphor lies in its multifunctionality and polysemy. One of its functions (alongside nominative, pragmatic, and communicative) is the cognitive function, which views metaphor as a tool for knowledge acquisition and involves gaining new insights about the surrounding world (McCormack, 1990).

In George Lakoff's interpretation, and that of other researchers, conceptual metaphor is considered a universal feature of human thought. It is not limited solely to the realm of language and can be expressed both verbally and non-verbally, such as through gestures, music, or visual arts. Conceptual metaphor theory views it as a process occurring at the level of human cognition, which is then reflected in linguistic structures. The semantics of a metaphor is influenced by context and situation, i.e., "in speech, specific conditions of nomination are considered, and selection occurs based on the communication situation. Figurative designation is semantized according to specific rules" (Dubrovina & Sakovets, 2020: 86; citing Nikitin, 1979: 99).

Metaphors reflect a worldview, embodying specific national and cultural characteristics of how reality is conceptualized. While metaphors may differ across languages, "we act according to how we conceive of things" (Lakoff & Johnson, 1980). Conceptual metaphors can belong to different cultures, and many are universal.

Previous research demonstrates that metaphor is unavoidable in legal language and is often found in legal discourse (Morra, Rossi & Bazzanella, 2006; Palashevskaya, 2010; Husinec, 2011; Konstantinova, 2011; Cherdantsev, 2012; Bogacheva, 2021; Yaroshchuk, 2022, among others). Modern rhetoric of legal discourse increasingly incorporates metaphors, making legal texts more vivid and comprehensible to a broader audience.

Legal discourse functions as a unique code used within institutional environments (courtrooms, prosecution offices, notaries, legal practices, parliaments, police, prisons). It encompasses normative texts, legal documents, academic and instructional legal texts, and court proceedings, including the speeches of participants such as judges, lawyers, prosecutors, and witnesses. Legal discourse is characterized by its coherence—its unity in content, lexicon, grammar, and logic. Its components form a hierarchically structured system aimed at legal regulation and the realization of law. Legal discourse is employed by prosecutors, judges, lawyers, notaries, police officers, and others in various settings like courts, prisons, and legal offices.

Characteristics of Legal Discourse:

1. It operates within the field of law.
2. It adheres to norms: the themes and motives of legal discourse center around the law, its content, compliance, and alignment with legal standards (e.g., evaluating actions, behaviors, or conduct).
3. It regulates social relationships, thereby exhibiting its communicative function.
4. It contains legal terms and concepts.

Moreover, in legal proceedings involving participants from different countries and language backgrounds, translators and legal translations play a crucial role. Legal translation is not merely the conversion of text from one language to another but also the transfer of legal knowledge into another legal system (Mikulaco, 2020). The primary qualities of a good translation are adequacy and equivalence. Adequacy is achieved through knowledge of both the language and the legal system of the source text, as well as the target

language. An adequate translation ensures effective communication between the source (author) and the recipient (the source text and the translated text).

Equivalence refers to interlingual synonyms that do not depend on context, establishing a consistent synonymy between the translation and the source language. Semantic equivalence implies identical meaning between linguistic units of the source and target languages (Semenov, 2013: 208–210). A translator must adhere to the concept that is equivalent for the target language, considering both the context of the source and target texts while also accounting for intercultural pragmatics (Wierbicka, 2003).

Objective of the Study

The aim of this study is to identify which conceptual metaphors are used in Croatian and Russian legal documents (specifically, court decisions) and determine their linguistic implementation. The goal is to understand how legal translation can provide suitable solutions and create accurate, precise, and meaningful interpretations, which can be directly applied for pedagogical purposes. Such translations enhance the understanding of legal discourse, enrich vocabulary, and thereby improve proficiency in specialized legal language, broadening professional lexicon (especially within legal terminology). Consequently, this helps students recognize the presence of metaphors in legal discourse and master the types of conceptual metaphors along with their similar or different implementations in Croatian and Russian legal languages.

A cognitive approach to language supports linguistic research, focusing on studying terminology and phraseology, particularly in law. Legal terminology is characterized by its precision and clarity in structuring knowledge. Legal language is designed to ensure unambiguity in understanding legal rules and concepts (Bogacheva, 2021). Over centuries, legal language and terminology have evolved alongside changes in society and human relationships. However, human behavior remains constant, and legal regulation has consistently aimed to limit and guide it. Legal language serves as a repository of historical memory and human thought. Since human cognition is metaphorical, and cognitive systems result from life experiences and the culture in which we grow, law mirrors the essence of human cognition.

The application of conceptual metaphors within the comparative analysis of Croatian and Russian legal discourse has not been thoroughly examined before. This study addresses this gap, exploring the role and functioning of conceptual metaphors in legal discourse, thereby establishing the relevance of the topic.

The research investigates the conceptual metaphors present in Croatian and Russian legal documents, specifically court decisions. It examines the similarities and differences in metaphorical usage between the two languages, the linguistic realizations of these metaphors in legal discourse and the implications of these findings for legal translation and pedagogy.

Since both languages are Slavic and their legal systems share common roots in continental European law, the study hypothesizes significant overlap in metaphorical conceptualization while also anticipating linguistic nuances and cultural variations.

Theoretical Background and Methodology

The Role of Metaphor in Legal Discourse

Legal language, though often perceived as rigid and technical, relies heavily on metaphor to articulate abstract principles, describe legal processes, and frame complex arguments. For example, the courtroom is often conceptualized as a battlefield, with opposing sides engaging in strategic "combat" to emerge victorious. This metaphorical framing shapes how legal professionals and laypersons understand the adversarial nature of the justice system.

Metaphors also serve pedagogical purposes, aiding students, translators, and practitioners in grasping intricate legal concepts. By framing abstract legal notions in relatable terms, metaphors facilitate comprehension and foster a deeper understanding of legal principles.

Methodology

The study employs a comparative analysis of two corpora:

- **Croatian Corpus:** 30 court decisions from the Supreme Court of Croatia, totaling 24,720 words.
- **Russian Corpus:** 21 court decisions from the Supreme Court of the Russian Federation, totaling 25,095 words.

Texts were selected using keyword searches to identify metaphorical expressions. The analysis focused on identifying, categorizing, and comparing conceptual metaphors, with an emphasis on linguistic realizations and implications for translation.

Findings: Legal Proceedings as a Battlefield

A dominant metaphor in both Croatian and Russian legal discourse is "legal proceedings as a battlefield." This metaphor reflects the adversarial nature of legal systems, where opposing parties "fight" for a favorable outcome. The courtroom, in this context, is metaphorically depicted as a site of conflict, with legal practitioners engaging in strategic battles.

Key Components of the Metaphor

1) Battle Terminology

- Croatian legal discourse frequently employs terms rooted in military or conflict contexts. For example, *branitelj* (defender) derives from military terminology and is used to describe the legal defender of a client. Similarly, *napad* (attack) is used figuratively to describe prosecutorial strategies or allegations.
- Russian legal discourse mirrors this with terms like *защитник* (defender) and *нападение* (attack), reinforcing the combative framing of courtroom dynamics.

2) Strategic Actions

- a. In Croatian, actions like filing a lawsuit are described using dynamic verbs such as *ustati* (to rise) and *podignuti* (to lift), evoking imagery of physical preparation for battle. For example, *ustati s tužbom* (to rise with a lawsuit) suggests readiness to engage in legal conflict.

- b. Russian uses verbs like *предъявить* (to present) and *подать* (to file), which convey similar tactical movements in the legal arena.

3) Victory and Defeat

- a. Both languages employ metaphorical language to describe the outcomes of legal battles. Croatian expressions such as *pobijediti u sporu* (to win a dispute) and *izgubiti parnicu* (to lose a case) align with Russian equivalents *выиграть дело* (to win a case) and *проиграть дело* (to lose a case).
- b. The victorious party is metaphorically portrayed as a “winner,” while the losing party assumes the role of the “defeated.”

4) Roles of Participants

- a. Croatian legal terminology includes feminized forms, such as *tužiteljica* (female plaintiff), reflecting gender-specific linguistic practices. Russian, in contrast, rarely uses such forms in legal discourse, highlighting a cultural and linguistic divergence.

Linguistic Nuances and Challenges

Despite the shared conceptual metaphor, linguistic differences emerge between Croatian and Russian:

- **Verb Usage:** Croatian verbs like *ustati* and *podignuti* have no direct equivalents in Russian, where actions are described using *предъявить* and *подать*. This divergence underscores differing metaphorical framings of legal actions.
- **Gendered Language:** Croatian extensively uses feminized nouns (*braniteljica* for female defender), whereas Russian predominantly employs gender-neutral terms, reflecting cultural differences in professional language.
- **Semantic Variability:** Croatian’s *izgubiti* (to lose) has broader applications than its Russian counterparts, which use distinct verbs like *терять* (to lose something abstract) and *проиграть* (to lose a case).

Broader Applications of Metaphors

While “legal proceedings as a battlefield” dominates, other metaphors enrich Croatian and Russian legal discourse:

- **Law as a Journey:**
 - Croatian phrases like *tijek rasprave* (course of the trial) and Russian *ход судебного разбирательства* (course of legal proceedings) frame legal processes as journeys with defined paths and destinations.
- **Law as Weighing Scales:**
 - Croatian’s *težina dokaza* (weight of evidence) and Russian *вес доказательств* reflect the evaluative nature of judicial decision-making.
- **Law as Personification:**

- Croatian's *povreda zakona* (violation of the law) personifies legal statutes, attributing them with human-like qualities of being harmed or violated.

Pedagogical Implications

Metaphors pose challenges for legal translation, requiring cultural and linguistic sensitivity. Misinterpreting metaphorical expressions can lead to inaccuracies and misunderstandings.

Educational Strategies

1. **Contextual Training:** Legal translators and students must develop an awareness of metaphorical language and its implications. For example, understanding the nuances of *ustati s tužbom* in Croatian and its Russian equivalent ensures accurate translation.
2. **Practical Exercises:** Exercises comparing metaphorical expressions, such as Croatian *podignuti optužnicu* (to raise an indictment) and Russian *предъявить обвинение* (to present an accusation), enhance students' linguistic and analytical skills.
3. **Expanding Vocabulary:** Teaching metaphors as part of legal terminology enriches students' understanding of legal discourse and improves their ability to articulate complex ideas.

Conclusions and Future Directions

The analysis of Croatian and Russian examples of the conceptual metaphor "legal proceedings as a battlefield" in court decisions and judgments revealed that both Croatian and Russian legal discourse employs the same type of conceptual metaphor, with identical or similar linguistic realizations, as well as differing linguistic expressions. In Russian, various verbs are used to express the same concept (e.g., the Croatian verb *izgubiti* has a broad range of meanings, whereas in Russian, distinct verbs such as *предъявить* (to present) and *подать* (to file) are used). Another difference lies in the Croatian language's use of feminine forms (feminatives) to denote participants in legal proceedings (e.g., masculine *branitelj* and feminine *braniteljica*).

The substantial similarity in metaphor usage can be attributed to the fact that both Croatian and Russian are related Slavic languages within the Indo-European language family. Additionally, both belong to the Romano-Germanic legal tradition (continental European law) and the Western cultural sphere.

The presence of conceptual metaphors in Croatian legal texts undoubtedly requires further confirmation through systematic studies of larger corpora. These studies should also extend to other conceptual metaphors, such as those framing legal proceedings as a medical examination (*pravni lijek* – legal remedy, *uzrok* – cause), as a journey (*tijek rasprave* – course of the trial, *započinje parnica* – the trial begins), as weighing (*opteretio* – burdened, *težina dokaza* – weight of evidence), or as personification (e.g., the frequent use in Croatian of *povreda zakona, prava* – violation of the law or rights).

Future research would benefit from conducting a more detailed contrastive analysis of the linguistic features of legal discourse or legal genres (e.g., normative acts, contracts, academic articles, legal periodicals) to achieve a more comprehensive understanding of the degree of overlap.

Future Research

1. Expanding the corpus to include other legal genres, such as contracts and legislation.
2. Exploring additional metaphors, such as “law as medicine” or “law as architecture.”
3. Investigating the pedagogical impact of metaphor-focused language instruction.

By examining conceptual metaphors in legal discourse, this research contributes to the broader understanding of how language shapes legal thought and practice, fostering better cross-linguistic communication and education.

Keywords: Croatian and Russian languages, contrastive analysis, conceptual metaphor, legal discourse, court decisions